

Наркомфин СССР и «особый квартал» 1930 года

По материалам Московской и Ивановской
промышленной областей

Владимир Околотин

Практической формой построения плановой экономики рассматриваемого периода был назван продуктообмен, который предусматривал ломку управленческих и финансовых инструментов периода нэпа. В результате в финансовом лексиконе появилось и очень быстро укрепилось новое понятие – «финансовый план». Оно должно было вытеснить такие отмирающие финансовые категории, как налоги и бюджет.

Однако развернутого представления о методологии построения фин-

плана в Народном комиссариате финансов (НКФ) СССР не было. Состояние статистических материалов также не позволяло делать широкие обобщения. Поэтому для создания науки о планировании, утверждала известный экономист того времени С.В. Шахновская, необходимо было срочно «взяться за очередное звено – формирование методологии и принципов финансового плана, подвергнув накопившийся материал диалектической обработке». Это было важно и потому, что «финансовый план – не голая, не теоретическая абстрак-

ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич – кандидат исторических наук (Ивановский филиал РАНХиГС). *E-mail:* okolotin.vladimir@yandex.ru

Ключевые слова: продуктообмен, финплан, «особый квартал», мобилизация платежей, Наркомфин СССР, особые полномочия фининспекторов.

ция, которую можно противопоставить практической деятельности, и проблема единого финплана – не исследование и не хвостик, а насущная практическая задача эпохи социалистического строительства»¹.

Но ее предложение о формировании целостной марксистской концепции взглядов в отношении финплана всплеска публикаций на страницах ведущих финансовых и экономических журналов не вызвало. Объяснение тому следует искать в непредсказуемости директивного установления объема доходной части бюджета, которая не позволяла ее научно обосновать.

Так, в условиях «особого квартала» (октябрь–декабрь 1930 г.) государству в короткий срок предстояло изыскать огромные финансовые средства, получить которые даже с помощью реформированной налоговой системы было крайне затруднительно. Поэтому в практику финансовой работы прочно вошел термин «мобилизация платежей», впервые появившийся в официальных документах после XVI съезда ВКП(б). В его интерпретационное поле попали не только налоги, но и платежи городского и сельского населения по обязательному окладному и добровольному страхованию, займу «Пятилетка в 4 года», ссудам и паевым взносам в

кредитную и потребительскую кооперацию, акциям трактороцентра и т.д. В целом их совокупность определяла основное содержание доходной части финансового плана, под которой подразумевался поиск и максимальное привлечение внутренних ресурсов, необходимых для функционирования плановой экономики.

Такая позиция определялась не только внутренними, но и внешними обстоятельствами. Одно из них было связано с мировым кризисом. Газета «Известия» от 1 октября 1930 г. посвятила этой версии целый разворот под заголовком из выступлений Сталина: «У них, у капиталистов, экономический кризис и упадок производства. У нас, в СССР, экономический подъем и рост производства»². Вот почему, утверждалось в том же номере, необходимо сконцентрировать все усилия и выполнить первую пятилетку в четыре года. Реализацию плановых показателей, предусмотренных на целый год пятилетки, страна должна осуществить в течение трех месяцев. Поэтому период 1929/30 хозяйственного года и 1931 календарный год в официальных документах и газетных публикациях того времени получил целый ряд определений: пятый, переходный, особый, ударный, квартал большевистского штурма, штурмовой и т.п.

Реализация финплана в условиях «особого квартала»

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 сентября 1930 г. «Об изменении сроков исчисления хозяйственного года» опубликованном 23 сентября 1930 г. в газете «Рабочий край», был определен ряд обязательных мероприятий, а именно: не позднее 5 октября поручалось утвер-

дить народно-хозяйственный и финансовый планы на октябрь–декабрь 1930 г. Несмотря на категоричность указания, оно было исполнено с большим опозданием. На заседании Президиума ВЦИК (1 октября 1930 г.) под председательством А.С.Киселева, с участием представителей НКФ

СССР, обсуждался лишь план мобилизации средств сельского населения на «особый квартал», который был установлен в размере 1118 млн руб. По словам А.С.Киселева, «это задание должно быть выполнено во что бы то ни стало». Финплан на «особый квартал» был утвержден постановлением Совнаркома СССР только 30 октября 1930 г.

О том, как в реальности выполнялись решения Центра на местах, свидетельствуют страницы областных газет «Рабочий край», «За колхозы», «Рабочая Москва» и др., пестревшие грозными заголовками, похожими на фронтовые.

Обкомами ВКП(б) Ивановской и Московской областей (ИПО и МО соответственно) был принят ряд постановлений об «активизации мобилизации денежных средств», на места под грифом «строго секретно», «совершенно секретно» направлены срочные директивы, в районы откомандированы уполномоченные для контроля за деятельностью низовых партийных и советских управленческих структур.

Ежедекадно подводились итоги мобилизации платежей, привлекались к партийной и дисциплинарной ответственности руководители районных звеньев, допустивших провалы в работе.

На заседаниях Коллегии НКФ РСФСР (9 сентября и 21 октября 1930 г.) дважды рассматривался вопрос о ходе мобилизации средств в МО. Отмечалось, что и в ИПО наметилось резкое отставание от выполнения установленных Центром контрольных цифр.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 октября 1930 г. «О ходе мобилизации денежных средств» в числе других ИПО была названа сильно отстающей в выполнении директивы ЦК³.

За неудовлетворительное выполнение областью единого финплана СНК принял решение отчисления от госналогов в ее бюджет поставить в прямую зависимость от выполнения задания по налоговым и неналоговым платежам. Особое внимание облфо было обращено на взыскание недоимок, которые над-

лежало собрать в течение «особого квартала»⁴. На заседании Коллегии НКФ РСФСР от 16 ноября 1930 г. было принято решение «занести на черную доску ИПО, Среднюю Волгу и Западную область», а руководителям бригад НКФ РСФСР в этих областях за «недопустимое отставание в выполнении мобилизации средств» объявить выговор.

Кандидатом на черную доску среди других была названа и МО. Одновременно НКФ РСФСР дал указание о закрытии кредитов по целому ряду краев и областей, «плохо выполнявших планы по привлечению денежных средств населения»⁵.

В целях решительной борьбы с неплательщиками Наркомост (НКЮ) РСФСР предложил всем крайоблсудам разрешать дела в отношении их в самом срочном порядке, в том числе и путем организации специальных выездных сессий.

Финорганы на местах обязывались представить судам исходные материалы с тем, чтобы они могли приступить к их разбору еще в ноябре текущего года. Рассмотрению сессий также подлежали дела о должностных преступлениях сотрудников финорганов, сельсоветов, кредитных товариществ и кооперации, «не принявших необходимых мер для взыскания платежей... задерживавших сдачу денег в кассовые учреждения, а также за халатность и вообще за слабую работу»⁶.

Для выправления положения с мобилизацией средств в ИПО был командирован начальник управления госдоходов Карпунчев. Управлению доходов НКФ РСФСР было предложено «срочно провести проверку ряда промпредприятий всех республиканских и местных объединений в целях более полного изъятия налога с оборота и причитающихся с них отчислений от прибылей, а также дать директиву местным финорганам о 100% выполнении плана по мобилизации городских платежей»⁷.

Деятельность бригады работников НКФ РСФСР, прибывших в ИПО в ноябре 1930 г., широко освещалась на страницах местных газет, благодаря чему сохранились интересные

зарисовки, передающие обстановку в области в тот период.

Так, при проверке финансово-кредитных и кооперативных учреждений Ярославля и Ярославского района членами бригады выявлена полная растерянность их сотрудников.

Большинство работало без планов. Жалобы и ходатайства крестьян по сельхозналогу и страховым платежам не рассматривались до трех месяцев и т.д.⁸

По итогам работы бригады президиум облисполкома ИПО 18 ноября 1930 г. констатировал, что «Ярославский горсовет недооценил всей политической и хозяйственной важности кампании по мобилизации средств, не обеспечил выполнение директив областных, партийных и советских организаций».

В результате президиуму Ярославского горсовета был объявлен выговор, а к руководителям применены меры дисциплинарного воздействия. В частности, был снят с работы заврайфо, распущены правления райсельхозсоюза и райселькредсоюза, а их председатели преданы суду. Одновременно в целях немедленного исправления хода кампании и достижения необходимых темпов в работе прокуратуре области было предложено организовать судебно-следственные бригады и направить их в районы, наиболее отстающие в деле мобилизации средств⁸.

В погоне «за рублем» репрессивные меры применялись не только к рядовым налогоплательщикам, руководителям различных управленческих звеньев, но и к целым районам.

Постановлением Бюро обкома ВКП(б) от 23 ноября 1930 г. «за слабое выполнение плана по мобилизации средств Александровскому, Переяславскому, Ростовскому, Макарьевскому, Мышкинскому, Судогодскому, Юрьев-Польскому, Брейтовскому, Нейскому и Судиславскому районам было запрещено впредь до выправления работы представление финансовых подкреплений по линии местного бюджета»³. Тем не менее на Коллегии НКФ РСФСР 17 декабря 1930 г. было констатиро-

вано, что финорганы МО, ИПО и других краев и областей не достигли улучшений в работе и продолжили отставание от плановых установок. Относительно МО было решено заслушать отчет мособлфо о причинах такого отставания и мерах, принятых им по выполнению решения СНК РСФСР.

Проверка мособлфо была возложена на управление госдоходов НКФ СССР.

Несмотря на видимую внушительность осуществлявшихся мероприятий, их финансовая результативность была невысокой.

В частности, по ИПО к концу декабря 1930 г. план мобилизации денежных средств, установленный Центром, был выполнен всего лишь на 52%⁸.

В январе 1931 г. ЦИК СССР принял уже единый финплан и госбюджет СССР на 1931 г.

По утверждению члена Коллегии НКФ СССР Я.А.Теумина финплан на 1931 г. на две трети превысил финплан, запроектированный для третьего года пятилетки. Для его составления потребовалось изыскать дополнительно 11 млрд руб. Только налог с оборота должен был дать 9,3 млрд руб. Около 80% этой суммы планировалось взимать в централизованном порядке НКФ СССР, поскольку львиная доля налога с оборота падала на предприятия ВСНХ и НКС.

При мобилизации средств населения планировалось получить 5,7 млрд руб., в том числе 3,5 млрд руб. с сельского населения.

По словам Я.А.Теумина, «мы должны обеспечить строжайшую финансовую дисциплину и жестко поставить финансирование каждого финоргана в зависимость от выполнения им производственно-финансового плана. Работа финансовой системы должна немедленно быть переведена на напряженные темпы»⁹. Имеющиеся при этом в достаточном количестве случаи нарушения налоговой политики в деревне необходимо приписать слабой работе финорганов, их «засорению» враждебными советской власти элементами и, прежде всего, тому обстоятельству, что они еще не подстроились к высоким темпам индустриализации и социалистического строительства¹⁰.

Реорганизация аппарата НКФ СССР

Признание приоритета финплана перед бюджетом привело к очередному структурному изменению НКФ СССР.

В начале января 1931 г. на страницах «Экономической жизни» были опубликованы первые итоги рассмотрения проекта его реорганизации (проект комиссии Е.Б. Генкина). В основу нового структурного построения Наркомфина был положен секторально-отраслевой принцип. В результате весь наркомат делился на ряд секторов, перечень которых завершался особым сектором изъятий.

Как утверждалось в публикации, общественность Наркомфина в целом высказалась в пользу проекта Е.Б.Генкина. Тем не менее среди наиболее веских замечаний по содержанию проекта была названа недопустимость сосредоточения функций изъятия в особом секторе вместо распределения их по соответствующим отраслевым секторам. Поэтому было предложено передать функции изъятия из обобщественного сектора соответствующим отраслевым секторам, оставив за сектором изъятия только массовые налоги и платежи с населения¹¹.

Постановлением Коллегии НКФ СССР от 18 января 1931 г. предложенный проект был утвержден с небольшими поправками.

Коллегия поручила комиссии в составе Е.Б.Генкина, А.Б.Маймина и Я.А.Теумина в двухдневный срок установить окончательные штаты по секторам, распределить между ними работников и утвердить положения о них с детализацией функций каждой группы и каждого ответственного работника¹². В результате прежняя система управлений наркомата

упразднялась и на ее основе создавалась новая структура, состоявшая из 15 секторов⁷.

Перед новым аппаратом была поставлена задача обеспечения финансовой базы для важнейших участков народного хозяйства и социально-культурного строительства в стране. В основу ее выполнения закладывался принцип «постановки расходов каждой организации в прямую зависимость от выполнения ею производственных и финансовых планов». Финансово-плановую работу предписывалось «сочетать с повседневным и тщательным изучением всех сторон хозяйственной жизни страны», а также с «углубленным марксистским исследованием важнейших явлений в области финансового хозяйства». Аппарат НКФ СССР должен был «принимать все необходимые меры к ликвидации перебоев на финансовом фронте», активно воздействовать с этой целью на все учреждения и организации, вести «жесткую борьбу с нарушениями финансовой дисциплины и режима экономии с привлечением к этому широкой партийной и советской общественности». И что особенно важно, он был нацелен на «планомерные мероприятия по укреплению системы денежного обращения» посредством «решительной борьбы с недооценкой роли денег на данном этапе социалистического развития»⁷.

При этом сектор изъятий был сохранен, но с иным названием – сектор государственных доходов.

Его деятельность была направлена на разработку общих принципов обложения, проектов законов, инструкций, правил и норм взимания с обобщественного сектора (налог с

оборота, отчисления от прибылей и подоходный налог), сельского хозяйства (сельхозналог и другие платежи) и частного сектора (промысловый и подоходный налоги, а также налог на сверхприбыль).

Кроме того, на него была возложена разработка вопросов обложения местными налогами, устанавливаемыми союзным законодательством, учет и проверка регистрации предприятий общесоюзного значения, причитающихся с них налоговых платежей, а также принятие мер к принудительному взысканию налогов в случае несвоевременной и неполной их уплаты в государственный бюджет⁷.

Сектору финансовой политики надлежало выполнять «научные разработки важнейших директивных установок в области финансового планирования и денежного обращения».

В частности, исследовать динамику народного дохода в СССР, тяжесть налоговых платежей в городе и деревне, распределение денежной массы по социальным секторам, группам и классам населения и т.д. Эту работу он мог осуществлять как самостоятельно, так и опираясь на работников других секторов НКФ, различных ведомств, научно-исследовательских институтов и отдельных крупных специалистов⁷.

Однако данная структура НКФ СССР оказалась неокончательной. Постановлением Коллегии НКФ СССР от 18 апреля 1931 г. было решено образовать сектор массовых платежей, куда следовало передать из сектора госдоходов администрирование сельхозналога, самообложения, культсбора, государственного страхования внутри страны, а также промыслового, подоходного и других налогов с частного сектора.

Руководителем этого сектора был назначен М.О.Лифшиц, а сектора госдоходов – К.К.Аболин⁷.

И все же реконструкция НКФ СССР не могла решить множества

проблем, появившихся при разработке и реализации единого финансового плана. Их возникновение объяснялось оторванностью финансового планирования от производственно-материального планирования народного хозяйства.

В практике неоднократно были случаи, когда плановые органы, получив из финансовых структур единый план, вместо заключения по нему вносили в него значительные изменения. В результате основные задачи (контрольные цифры) формулировались неясно и небрежно – такие формулировки могли быть какими угодно, только не научными.

Все это приводило к несогласованности планов и контрольных цифр и к появлению со стороны плановых органов инициатив совместить в их ведении финансовое и материально-производственное планирование¹³. В результате практическая деятельность финорганов, их формы и методы работы были лишены всякого научного обоснования.

Тем не менее «узловым пунктом финансового плана, а вместе с ним и всей финансовой системы, утверждала С.В.Шахновская, стала проблема изыскания источников для реализации намеченных высоких темпов индустриализации и обобществления»¹⁴. Это было особенно важно, поскольку принятием Политбюро ЦК ВКП(б) постановления от 15 декабря 1930 г. «О рабочем снабжении» было повсеместно установлено нормирование продуктов, реализация которых осуществлялась только по карточкам и в ограниченных размерах¹⁵. В итоге рассчитывать на увеличение поступлений в госбюджет за счет увеличения товарооборота было весьма проблематично.

Введение новых налогов и проблемы их взыскания

В этой связи внимание государства было обращено на население, которое в условиях нормированного обеспечения продуктами и промтоварами могло располагать свободными денежными средствами. Составной частью такой работы стало принятие ЦИК и СНК СССР 9 января 1931 г. постановления «О одновременном сборе на хозяйственное и культурное строительство в сельских районах». При этом в периодической печати утверждалось, что такое решение возникло как результат рассмотрения обращений населения. Действительно, в фонде НКФ СССР содержится несколько телеграмм от жителей сельских советов МО, которые датированы 6–9 января 1931 г.⁷ Конечно, столь быстрый срок воплощения инициативы в законное решение вызывает некоторые сомнения в означенной мотивации.

Данное сомнение еще более усиливается архивным документом, в котором изложена история разработки указанного постановления⁷. Это дает возможность утверждать, что введение сбора было вынужденной мерой правительства с целью компенсации недополученных из-за организационных сбоев налоговых платежей с обобщественного сектора.

Его разработка осуществлялась НКФ СССР, а для внешней благовидности были инсценированы ходатайства от жителей ряда сельсоветов МО. При этом предполагалось, что он будет взыскан в течение первого квартала, т.е. в очень сжатые сроки с соблюдением классовой направленности. По сути, его взимание предполагалось осуществить в форме мощной кампании через использование уже накопленного опыта. Об этом свидетельствует «не подлежащая оглашению» директива НКФ СССР

руководителям крайоблфо от 10 января 1931 г. с целым перечнем указаний по срокам и методам проведения кампании. В результате на финаппарат возлагалась «чрезвычайно серьезная задача в короткий срок взыскать полностью налог». Для ее выполнения ему надлежало заручиться «содействием партийных и советских органов, общественности села... усилить постоянное оперативное руководство кампанией и наблюдение за ее прохождением». Данную деятельность предписывалось освещать в печати, чтобы на основе «социалистического соревнования и ударничества усилить и ускорить работу, применяя репрессивные меры по отношению к отстающим районам, по отношению к работникам, не проявившим должной активности при проведении единовременного сбора»⁷.

Однако на практике все обстояло иначе. Несмотря на массовую разъяснительную работу, сельское население не спешило выполнять новые налоговые обязательства.

Так, в МО были случаи, когда целые селения отказывались от приема извещений, объясняя это тем, что «платить трудно – короткий срок». Но там же отмечены и случаи одобрения действий по привлечению к уплате сбора малоимущих хозяйств – «давно пора всех привлечь».

На одном из собраний сельский активист заявил: «Сбор уплачу, но продаж семена и сеять не буду». В Удомльском районе (МО. – Авт.) в ряде сельсоветов были «нездоровые, правооппортунистические настроения, что у крестьянина нет денег и на крестьянина начали наступать».

В отчете также были приведены данные о том, что «в некоторых селениях бедняки выносят решения об отказе от льгот и досрочной уплате сбора», а в ряде районов получи-

по развитие соцсоревнование между сельсоветами⁷.

И все же в целом по РСФСР на 10 февраля 1931 г. вместо запланированных 50% от общей суммы платежей поступило лишь 37,5%, что послужило НКФ СССР поводом признать такой результат недостаточным и не обеспечивающим выполнения задания в срок. Наркомфин вновь заострил внимание местных исполкомов на необходимости выполнения задания, «обязав их безоговорочно выполнить решение СНК».

Для обеспечения руководства кампанией в феврале 1931 г. в НКФ СССР была создана «тройка» по мобилизации средств, председателем которой был назначен С.М.Тамаркин, а его заместителем Г.Б.Бейлинсон.

О том, как проводилось выполнение установок СНК и НКФ СССР на местах, свидетельствуют документы центральных и региональных архивов.

Так, для активизации работы по мобилизации средств в течение первого полугодия в ИПО выезжали член Коллегии НКФ СССР С.И.Аралов (февраль и июнь 1931 г.) и председатель «тройки» С.М.Тамаркин (май 1931 г.).

Возможно, не без их участия с февраля по июнь 1931 г. по ИПО и МО прокатилась волна широкомасштабных операций по взысканию недоимок и по всем видам налоговых платежей.

Одна из них была проведена 19 февраля 1931 г. в Иваново-Вознесенске, Кохме и прилегающей к ним сельской местности. Операция была приурочена к открытию второго съезда Советов ИПО. Как и ранее, ее проведение осуществлялось с участием работников прокуратуры, народного суда, ПП ОГПУ и милиции³. В ходе проведения операции предполагалось провести обыски у 94 должников для взыскания с них недоимки на сумму 433 тыс. руб. Для участия в ней было привлечено 93 чел., из них 44 рабочих, 34 милиционера и 15 сотрудников горфинотдела.

Итог операции был незначителен: ее участникам удалось взыскать лишь 15 тыс. руб.³ Это не помешало завгорфо В.И.Михонину рассказать об операции как передовой форме работы с недоимщиками на одном из совещаний финработников в НКФ СССР³.

25 февраля 1931 г. в десяти районах ИПО, в том числе Костроме, Ярославле, Рыбинске и др., был проведен так называемый «однодневник» – очередная операция по ликвидации недоимок с частного сектора.

По заявлению прокурора области Л.А.Соснина и замзавоблфо С.В.Каданера, она дала существенные результаты. Только по данным шести райфо, из предъявленной к взысканию недоимки в размере 3117,9 тыс. руб. обеспечено к взысканию 1662 тыс. руб. или 52,4% от ее общей суммы. Из них наличными деньгами получено 61284 руб., облигациями – 8181 руб., имуществом – 483 776 руб., в том числе скотом – 105 387 руб. и строениями – 1 109 165 руб.³

Анализ отчетов об итогах операции позволяет говорить о различных подходах к его проведению на местах.

В частности, Костромским горфо выявлено лишь 54 недоимщика с задолженностью на сумму 259 тыс. руб. В операции по ее взысканию участвовали 320 чел. В результате удалось обеспечить к взысканию только 24 тыс. руб., или 9,1% от начисленной суммы³.

В Родниковском районе, намного уступавшем Костроме по налогооблагаемой базе, эта операция прошла более результативно. Было проведено 654 обыска с участием 1493 чел. Изъято денежных средств и составлено описей имущества на сумму 176 тыс. руб., или 55% от суммы, запланированной к взысканию³.

Можно лишь предполагать причины столь разного подхода к выполнению установок области. Не исключено, что значительную роль при этом сыграло отношение местных руководителей к самой форме мероприятий по взысканию недоимок. Подтверждение тому содержится в циркуляре облпрокуратуры и облфо от 11 марта 1931 г.,

где говорится о том, что финорганы «встали на путь наименьшего сопротивления и вместо организации энергичной работы по взысканию проводят ликвидацию недоимок преимущественно за счет сложения их со счетов». Такой способ ликвидации недоимки, утверждалось в циркуляре, должен быть решительно отвергнут и устранен из практики работы. Более того, для выполнения поставленных «партий и правительством задач по мобилизации средств для выполнения финплана 3-го решающего года пятилетки финорганы должны немедленно добиться решительного перелома и перестроить всю свою работу по ликвидации недоимочности за частно-капиталистическими элементами»³. С этой целью заврайфо и райпрокурорам 11 районов предлагалось «в самом срочном и ударном порядке, покончить с недоимочностью путем применения системы тщательных обысков, изъятий и наложения арестов на обнаруженное у недоимщиков имущество»³.

Для максимального обложения частника и взыскания всех недоимок НКФ СССР установил систему премирования органов и отдельных лиц в размере 10% от взысканной суммы. Сектору госдоходов было предписано заключить с подразделениями милиции и уголовного розыска соглашения о производстве государственного и местного розыска недоимщиков. Кроме того, было решено установить солидарную ответственность совладельцев предприятий «за

все исчисленные с них налоги по общему источнику дохода»⁷.

Несмотря на это, в своей директиве на места от 13 апреля 1931 г. замнаркомфина Е.Б.Генкин и руководитель сектора госдоходов М.О.Лифшиц отмечали, что задание первого квартала по платежам частного сектора не выполнено. Среди причин они назвали отсутствие плановой и постоянной связи финорганов с милицией, направленной на «повседневную деятельность в борьбе с уклонениями частника от уплаты налоговых платежей». В директиве говорилось и о нежелании финорганов перестроить свою работу применительно к изменившимся формам деятельности частника, их крайнюю пассивность и медлительность в проведении директив НКФ.

Е.Б.Генкин также пресекал сетование с мест на преувеличенность заданий, утверждая, что «финорганы не только не исчерпали, но в ряде случаев не приступили даже к проведению в жизнь всех мероприятий, обеспечивающих выполнение плана мобилизации средств по частному сектору»⁷.

Говоря о постоянном давлении, оказываемом НКФ СССР на местные финаппараты, нельзя не признать кратковременную результативность репрессивных мер. Так, согласно архивным документам, постановление СНК СССР «О едином сборе на хозяйственное и культурное строительство в сельских районах» к 1 мая 1931 г. было выполнено. МО и ИПО выполнили контрольные цифры по сбору на хозяйственное и культурное строительство в сельских районах, значительно опередив более развитые в сельскохозяйственном отношении Нижегородский край и Западную область.

Особые полномочия налоговых инспекторов

Разнообразились и формы административного понуждения. Так, в ходе проведения указанных кампаний на территории МО и ИПО

получили признание отдельные формы работы с недоимщиками, которые с одобрения НКФ РСФСР в дальнейшем были растиражированы по

республике. Для этого в апреле 1931 г. Наркомфин обратился в прокуратуру республики с ходатайством о предоставлении налоговым инспекторам права производства обысков у лиц, замеченных в нелегальной торговле, а также имевших задолженность по налогам. Вскоре Наркомост РСФСР секретным циркуляром предоставил НКФ РСФСР такое право, о чем были извещены их структурные подразделения на местах.

Совместным решением облфо и прокуратуры ИПО право производства обысков было предоставлено уполномоченным на это инспекторам только 16 наиболее промышленно развитых районов области. Инспекторы обеспечивались специальными удостоверениями со сроком действия до 31 июля 1931 г., заменяющими ордера, необходимые для процессуального оформления обыска.

Обыски могли проводиться у городских жителей, имевших задолженность по всем видам налогов, а в сельской местности – только у крестьян, обложенных сельхозналогом в индивидуальном порядке.

Сведения о лицах, осуществляющих незаконную торговлю, могли быть получены как от органов ОГПУ, угрозыска, так и от наружного наблюдения самих фининспекторов.

Проверка жалоб на неправомерные действия инспекторов возлагалась на органы прокуратуры³.

В результате инспекторами только в 10 районах, по данным на 24 июня 1931 г., в

целях погашения недоимок произведено 450 обысков, изъято деньгами, облигациями и ценными вещами на сумму более 56 тыс. руб. На основании представленных ими материалов, органами прокуратуры возбуждено 131 уголовное дело.

Тем не менее и эта кампания в районах проводилась с существенными отличиями друг от друга.

В частности, инспектором А.А.Потокар в Костроме было проведено 23 обыска, изъято денег и ценностей на сумму 221 руб.

В Ярославле инспектором Г.А.Ивановым проведено 286 обысков, описано и изъято имущество на сумму 57 тыс. руб., прокуратурой района возбуждено 130 уголовных дел.

В Иваново-Вознесенске и Владимире эти цифры выглядели более скромно – 14 и 15 обысков соответственно.

При анализе сведений, поступивших из районов, прокуратура области вскрыла ряд недостатков. В ориентировке, направленной на места 9 июля 1931 г., прокуратура и облфо ИПО отмечали, что обыски на местах проводились «без предварительной проработки лиц и установления целесообразности производства обысков, без контроля со стороны райпрокурора». Там же говорилось, что «Ярославский прокурор до сих пор не сообщил ни причины массовых обысков, ни характера возбужденных дел, о недопустимости чего ему было уже указано»³.

Оценка результативности налоговой практики

Во второй половине 1931 г. практика проведения кампаний стала вызывать определенное недовольство на местах.

На Всесоюзном финансовом совещании было сказано о «необходимости решительного поворота от «кампанейщины» к систематически организованной массовой работе вокруг

мероприятий, проводимых финансовой системой».

Говоря об истоках «кампанейщины», нарком финансов Г.Ф. Гринько вынужден был признать, что «многое в этой работе заимствовано из опыта хлебозаготовок, так как они стали большой политической школой, на которой воспитывались финансовые органы» и «на которой проверялась стойкость многочислен-

ных коммунистов и целых партийных организаций». Однако мобилизация средств – не кратковременная кампания, «а систематическая работа, которая не должна носить скачкообразного лихорадочного характера, она должна стать работой систематической, работой организованной»¹⁶.

Продолжая его мысль, замнаркомфина Р.Я.Левин также утверждал, что «главный недостаток заключается в том, что работа все еще ведется прыжками, что мы еще не научились вести эту работу изо дня в день, несмотря на строжайшую директиву тт. Сталина и Молотова... Партия требует от финаппарата работу не урывками, кампаниями, а работу изо дня в день. Выполняем ли мы с Вами директиву т. Сталина! Нет»⁷. Для преодоления имеющихся недостатков, говорил он, «надо проникнуться сознанием, что финансовый работник есть борец на финансовом фронте, что он является ударником на важнейшем участке работы, какими являются для данного этапа социалистического строительства наши финансы»⁷. В этой связи «те новые задачи, которые перед нами стоят, требуют коренной и быстрой перестройки работы наших финансовых органов. Мы эту перестройку, как известно, начали и добиваемся уже порядочное время»⁷.

В то же время он признал, что ее реализация натолкнулась на несоответствие цифр, представляемых с мест, и реальных средств, поступавших на счета отделений Госбанка: «Поглядите, какая тут картина получается: – мы требуем сводки, требуем точных известий о ходе выполнения плана мобилизации средств населения, нам телеграфируют, что собрано столько-то по сберкассам. А на деле оказывается, что государство получает не деньги, а телеграммы, деньги рассовали по карманам. Надо понять, что вопросы товарооборота, мобилизации средств и своевременной сдачи выручки должны войти в обиход финансовой работы»⁷.

К числу практических шагов в этом направлении следует отнести решение Коллегии НКФ СССР от 27 сентября 1931 г. о реорганизации «тройки» по мобилизации средств в

сектор массовой работы и мобилизации средств.

Возглавили сектор прежние руководители «тройки» – С.М.Тамаркин и его заместитель Г.Б.Бейлинсон.

Данное решение Коллегии было названо событием большой политической важности, так как отныне «массовая работа вокруг финплана превращается из кустарной в плановую». Создание секторов решено перенести и на периферию, чтобы каждый финорган немедленно организовал свой штаб массовой работы и мобилизации средств¹⁷. В результате в ноябре 1931 г. очередным постановлением Коллегии НКФ СССР были созданы аналогичные секторы и в структуре крайоблфо с укмплектованием их квалифицированными кадрами.

Однако на практике НКФ СССР не спешил отказываться от административного давления на налогоплательщиков. Об этом говорит, в частности, продление инспекторам полномочий по проведению обысков у недоимщиков до 1 декабря 1931 г., что свидетельствовало о наличии расхождений между официальными установками и практикой в деятельности работников НКФ СССР в регионах.

Оценивая работу в крайоблофо, Е.Б.Генкин и М.О.Лифшиц в не подлежащей оглашению директиве от 20 декабря 1931 г. признавали, что «борьба с нелегальной торговлей сводится главным образом к настижению налоговым аппаратом мелкой рыночной торговли. Более или менее крупные операции крупного капитала почти не попадают в поле зрения налоговых работников». В то же время, говорилось в директиве, «применяемые налоговым аппаратом методы борьбы с нелегальной торговлей не соответствуют действующему законодательству. Сотрудники финаппара-

та нередко присваивают себе такие права, какие им законом не предоставлены: производят обыск граждан, вскрывают почтовые посылки и багаж, ведут дознание и даже подвергают граждан аресту⁷. Попытки отдельных органов перестроиться и создать в своем аппарате «особые части» по борьбе с «нелегальщиной» на практике оказались неудачными. Организация особых частей, не выполняющих функции по обложению налогами, вело к тому, что они не только дублировали часть работы налоговых инспекторов, но и нередко тормозили выполнение последними прямой их обязанности по выявлению и изучению налоговых объектов.

Наличие в аппарате особых частей по борьбе с «нелегальщиной» дает основание налоговым инспекторам если не совсем отказаться от этой работы, то во всяком случае не считать ее главной и, следовательно, для себя обязательной. В то же время особые части оказались не в состоянии регулярно наблюдать за нелегальной торговлей на улицах какого-либо города.

Ситуацию усугубляло еще одно обстоятельство: укомплектованные из недостаточно

опытных в налоговом деле работников особые части нередко передавали инспекторам некачественный материал, непригодный для обложения налогами. Тем не менее инспекторы считали для себя обязательным начислять налоги во всех случаях изъятия «осочами» товаров, что в подавляющем большинстве случаев делалось искусственно. Наконец, существование особых частей, фактически пользовавшихся правами органов дознания, также не может быть оправдано с точки зрения функций и прав, предоставленных по закону финансовым органам.

Поскольку, говорилось в директиве, «максимально полное выявление скрытой деятельности частного капитала неосуществимо силами и средствами одного налогового аппарата, то представляется совершенно необходимым привлечение к этому делу органов уголовного розыска. Это может быть достигнуто соглашением НКФ союзных республик с управлениями милиции и уголовного розыска путем создания в них особых налоговых групп, укомплектованных по соглашению с местными финорганами и находящихся на его содержании и т.д.»⁷

Таким образом, попытки придать финплану научный облик были минимальными и чаще сводились к популистским призывам. Средства любой ценой и из любых источников – так можно охарактеризовать требования, предъявляемые правительством к финорганам в тот период. Это вынуждало их ужесточать формы давления на налогоплательщиков, возлагать на финработников несвойственные им функции и задействовать для выполнения контрольных цифр любые возможности, вплоть до обращения за поддержкой в органы прокуратуры и ПП ОГПУ.

Введение новых налогов в виде сборов под вполне благовидным для населения предлогом привело к усилению налогового давления на жителей МО и ИПО. Однако успешность их взыскания повсеместно удалось обеспечить только через организацию различных кампаний, в том числе и устрашающего характера.

Примечания

¹ Шахновская С.В. Проблема единого финплана // Плановое хозяйство. 1929. № 6. С. 45–49.

² Известия. 1930. 1 октября.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р. 1698: Оп. 1. Д. 2. Л. 227; Оп. 1. Д. 2. Л. 259; Оп. 1. Д. 5. Л. 24–25; Оп. 1. Д. 8. Л. 32, Л. 9; Оп. 1. Д. 8. Л. 18, Л. 32, Л. 35, Л. 21–25; Оп. 1. Д. 7. Л. 272; Оп. 1. Д. 7. Л. 320.

- ⁴ Выполнение финплана под контроль масс // Экономическая жизнь. 1930. 19 ноября.
- ⁵ На черную доску // Экономическая жизнь. 1930. 19 ноября.
- ⁶ Злостных неплательщиков под – суд // Экономическая жизнь. 1930. 25 ноября.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 7733: Оп. 8. Д. 19. Л. 238–243; Оп. 10. Д. 286. Л. 77–95 об; Д. 14, Л. 56; Оп. 9. Д. 205. Л. 113, 116, 118, 120; Оп. 9. Д. 205. Л. 29–30; Л. 24–25 об. Л. 81 об; Оп. 9. Д. 14. Л. 13–13 об; Оп. 9. Д. 7. Л. 137–137 об; Оп. 9. Д. 11. Л. 55. Л. 62; Оп. 9, 61. Л. 98; Оп. 9. Д. 10. Л. 205, 206.
- ⁸ Рабочий край. 1930, 14 ноября; 18 ноября; 1931, 4 января.
- ⁹ Финансовый план третьего года пятилетки // Экономиче 1931. 4 января.
- ¹⁰ Единый финансовый план – мощный рычаг социалистического строительства // Известия. 1931. 13 января.
- ¹¹ Перестройка аппарата НКФ Союза // Экономическая жизнь. 1931. 8 января.
- ¹² Новая структура аппарата НКФ СССР // Экономическая жизнь. 1931. 20 января.
- ¹³ Экономическая жизнь. 1931. 28 марта.
- ¹⁴ Шахновская С.В. Проблема реконструкции финансовой системы // Экономическая жизнь. 1930. № 5. С. 164.
- ¹⁵ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. М., 1998. С. 85.
- ¹⁶ Боевые задачи финансовой работы // Экономическая жизнь. 1931. 22 июля.
- ¹⁷ Очередные задачи в работе по мобилизации средств // Финансы и социалистическое строительство. 1931. № 28. С. 1–3.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER